

Второе дыхание горнорудного дела

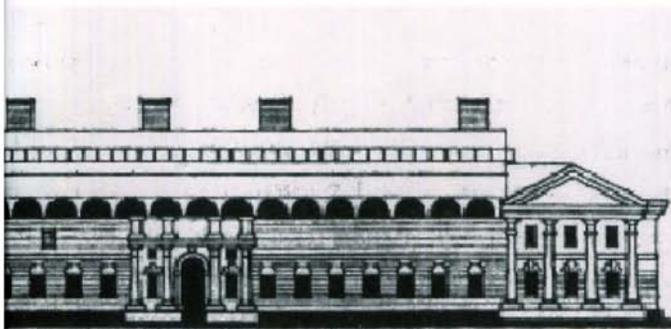
Как утверждают исследователи мифотворчества, для приобретения устойчивой формы и содержания мифу надо не исчезать из народной памяти 250-300 лет. Миф об Акинфии Демидове и алтайском серебре прошел этот путь в полной мере, и он достаточно устойчив. Доминанта в нем – Демидов открыл недра Алтая ... Здесь надо сразу уточнить – не Демидов открыл древние выработки на месторождениях меди под горой Синохой. Имена тех, кто это сделал в 1717-1718 г. г. – Степан Костылев, Федор Комар и Михайло Волков, – остались за пределами мифа. Да иначе и быть не могло. Сопоставим: три никому неизвестных сибиряка нашли руду. Официальный статус государевых рудознатцев они получают только в 1721 году. А Демидов к этому времени лучший в России поставщик корабельного железа и прочих железных изделий. Он и пушки льет, и ведет заморскую торговлю металлом – вестминстерское аббатство и по сей день крыто демидовским железом. И держится ведь – не проржавело. Поставье рядом рудознатцев и Демидова, которому через четыре года будет пожалован дворянский фамильный герб. И никому в Питере дела нет до того, что уральский заводчик охотится за находками рудознатцев и перехватывает у них открытие. У него еще и указа на разведку и добычу алтайских руд на руках нет, а он уже в конце 1725 года снаряжает под гору Синоху отряд для строительства рудоплавильен. Отряд пришел к рудному месту в феврале 1726 года, первый завод получил название Кольвано-Воскресенского, и почти тогда же – 26 февраля – последовал царский указ – Алтай отдан во владения Акинфия Демидова.

Есть еще весьма укоровившееся отвлечение от основного мифа. Историки различных степеней учености и компетентности дружно утвердились в одном – Демидов на Алтае никогда не был! А делами здесь распоряжались его приказчики – старообрядцы и немецкие мастера-наемники. Но и до нас на Алтае жили люди, проявляющие живой интерес к Демидову. Горный инженер В.И. Рожков в 1891 году опубликовал в «Горном журнале» статью с названием недвусмысленным «Акинфий Никитич Демидов на своих Кольвано-Воскресенских заводах». Подчеркну – Рожков на сто лет ближе к событиям, чем мы, сегодняшние любознательцы. В чем основа утверждения Рожкова? На Алтай приехала не одна комиссия из горного ведомства и все по поручению царствующих особ. В 1732 году на предмет тайной выплавки серебра Кольванский завод ревизовал горный советник Вицент Райзер. И в отчете допросом по итогам ревизии Демидов обмолвился: «... когда был на заводе советник Райзер – и мы там были ...» Рожков это цитирует. Но через несколько лет (это 1744 год, когда Демидова уже вызвали в Сенат) он ничтоже сумняся заявляет: «... он ничего (о Кольвани – А. Р.) показать не может, понеже он на своих Кольвано-Воскресенских заводах никогда не был!» Полный поворот от слов 1732 года. Противоречие это разрешимо: Демидов, узнав о находках серебра на Алтае, не мог усидеть дома. Россия все еще не имеет своего валютного металла – Нерчинские рудники слабы. А утвердившись, что серебро на Алтае есть, Акинфий Никитич в высоких кругах разыгрывает другую версию – он в Кольвани не был,

а что там вытворяют его приказчики – Бог весть. Медь оттуда везут в Невьянск, а про серебро ... про серебро, может, немецкие плавильщики ведают ... Так и тянулось это недоумение до 1747 года, пока на Алтай не приехал бригадир Беэр – по итогам комиссии демидовские владенья перешли под руку Кабинета Императорского двора.

Акинфий умер двумя годами раньше на пути в Невьянск из Тулы. Смерть застала его в мае 1745 года на устье Камы. Но в свою родовую усыпальницу в Туле он попал только в начале зимы. Все эти месяцы тело его находилось в леднике – некому его было вывозить, поскольку вдова заводчика вела, судя по ее переписке с бригадиром Беэром, затяжную войну за наследство со своим старшим сыном Прокофием. И чтобы уж докончить судьбу праха А. Н. Демидова и его сородичей, напомним – в 1930 году родовую усыпальницу в тульском храме Николая Зарецкого перетряхнули «археологи» в кожанках: чекисты искали в гробах золото – очень его не хватало молодой республике. Не нашли, но прах осквернили.

Но с погребением Демидова и его прахом я чуток поторопился. В те годы, когда сыновья, дочери и вдова делили наследство, бригадир Беэр сводил в одну ведомость рудное наследство Акинфия Никитича. Золотосеребромедноспинцовоцинковых рудных проявлений оказалось более восьмидесяти. Это только в системе рек Алей, Чарыш. Прибавим к этому систему Убы, Ульбы и Бухармы. Там Демидов успел всего лишь начать устройство Шульбинского завода. А Кольванский – это первенец! – на реке Белой и Барнаульский уже продуктивно копья алтайское небо. В

Дворовый фасад первой плавильной фабрики Барнаульского сереброплавильного завода. 1826г.

столицу империи уходят первые серебряные караваны. Поразительная подробность: такой долгий путь – до Петербурга 4519 верст, а караван с серебром охраняют всего-то пять-шесть солдат и один офицер. И за всю историю шествия тех караванов, а это с 1747 по 1897 год, ни единого грабежа. Даже попыток не было.

Пора назвать имена тех, кто открыл те восемьдесят рудных точек, что принял в свое ведение бригадир Беэр. Вот они: штейгеры Клюге, Чупоршнев, Рейдер, Репсорон, берганеры Карамышев, Бархатов, маркшейдер Герих. Но особо «счастье послужило» рудоискателю Федору Лелесову в 1742 году – четыре рудника заложили по его находкам. На открытых штейгером Райзером точках в 1771 году последовала закладка рудников Мурзинского 1-го и 2-го. И остаток XIX столетия казна царская снимала здесь золотую пенку, не больно-то углубляясь. Но место это оказалось столь щедрым на золото, что и XXI веку хватило – сейчас там берет свою квоту миксоч Бурлингас, действуя методами кислотного выщелачивания.

... Генерал-майор Беэр недолго правил делами рудными и заводскими. Он скоропостижно скончался «от горячки» 21 июля 1751 года. В правление Андре Венедикта Беэра – одного из лучших горных инженеров России тех лет – на Кольваново-Воскресенских заводах выплавлено серебра 694 пуда 23 фунта и 55 золотников. Добавьте и золото, поскольку алтайская руда – это электрум – природный сплав двух драгметаллов. Золота в те годы получили 15 пудов 12 фунтов 68 золотников. Хорош приварок к имперскому столу. И не надо забывать, что до этой поры Россия

почти не добывала валютного металла. Нерчинск плохо кормил валютный двор страны. Его насытил Алтай.

Не везет нашим алтайским знаменитостям. Демидов более полугода пролежал в деревенском леднике. И Беэр тоже в леднике заводском отлеживался. Его надо хоронить как первое лицо на заводах – в месте почетном. Но церковники Петропавловского собора возоптали и хоронить Беэра у главного храма не позволили, понеже Беэр из протестантов, а это «вера люторская, и православию она чужда ...». Несколько недель ушло на то, чтобы утратить это противоречие с Тобольской консисторией. Упокоили все же тело Беэра недалеко от Петропавловской церкви. Однако же, когда в 2007 году ко мне приехал из Москвы прямой наследник генерал-майора Николай Андреевич Беэр, я не смог показать ему могилы знаменитого предка. Храм снесли, могилы рядом с ним забыли камнем, а позже закатали асфальтом. Теперь на этом месте торжествует украшенный обломками смальты отрывок бывшего фонтана да сумеречно накупил в углу сквера бюст изобретателя Ивана Ползунова, портрета которого никто никогда не видел. Так себе, поставили какого-то гранитного Ваню, а в протоколе затвердили – это и есть И. И. Ползунов. Он тоже был похоронен у главного храма горного города Барнаула.

Ползунов – это другой пласт горнодобывающей культуры. Завершалось обучение у немецких спецов, русский ум становился на свое крыло. Правда, машина паровая Ползунова поработала недолго, но прорыв в будущее состоялся. На Змеиногорском руднике Козьма Фролов творит вододей-

ствующее чудеса: вода из обширного пруда и руду в бадьях нагора поднимает, и водоприток рудничных откачивает, и добытый продукт сортирует-обогащает.

Завершался век XVIII. Поискники заводские да и просто крестьяне прибавили к уже найденному еще 65 новых рудопоявлений и месторождений. И все это в бассейнах рек Локтевки, Корболихи, Чарыша и Алея. Малость опережая события, замечу, что к концу XIX века на карте рудоносности Алтайского округа было обозначено 500 таких точек. Разумеется, не все они равноценны и равнозначны. Как далеко не равнозначны те, кто руководил огромной металлородящей территорией. Из всех командиров заводов алтайских, а было их за полтора века около трех десятков, я остановлюсь на двух. Это Гавриил Симонович Качка и Петр Козмич Фролов. Качка, мадьяр по национальности, из потомственных горняков. Венгрия в XVIII веке уже успешно добывала золото, отца Качки пригласили на Урал, где он ставил дело по европейским технологиям. Сын его Гавриил пошел служить по горному ведомству, и его в буквальном смысле бросили на алтайские заводы, поскольку выплавка серебра там упала. Произошло это в результате административных перетрясок – на месте округа Кольваново-Воскресенских заводов была образована Кольванская область, с 1783 года это уже губерния. Тогда и превратился бывший Чаусский острог в центр губернский –

Кольвань. Теперь это заштатный городишко Новосибирской области и его часто путают с Кольванью камнерезной. Уточнение – так, к слову, чтоб в географии не блудили. В те реформации рудники и заводы перешли в ведение горной экспедиции ради ограничения произвола местного горного начальства. Двоевластие всегда несет смуту в действия. В четыре вожжи телегой не управляют. Это был развал системы добычи и выплавки серебра. Прибывший на Алтай по поручению Екатерины II член Кабинета генерал-майор П. А. Соймонов разобрался на месте с трудностями управления и утвердил единоначалие – возложил руководство заводами на статского советника Качку. Кстати сказать, П. А. Соймонов – это внук того сибирского губернатора – Рваные Ноздри – Федора Соймонова, при котором уральские горнодобытчики резко увеличили добычу и выплавку железа и меди. Но – к Алтаю пора вернуться.

Качка в 1786 году объехал все рудники и заводы, и не в коляске, а верхом на лошади. Были периоды, когда он неделями не слезал с седла. Утвердил новый режим работы – непрерывную трехсменку. Чтобы понять, каков должен быть урок-задание на смену, сам провел не одну смену с кайлом в руках и вывел итог – урочнику – сдельщику в смену должно выполнять такую-то работу. Удивился попервости Качка составу горных инженеров и их невысокой дисциплине. Расхлябанность и пьянство на рудниках вызвали его горькое замечание: «Я бы их всех поменял, но наш атлас не идет от нас! Заменить некем». Однако же строгостью Качки эта картинка изменилась за пять лет. Выплавка серебра пошла вверх. И это в правление Качки (1785-1798) на заводах выросли такие выдающиеся специалисты своего дела как металлург В. С. Чулков, минералог П. И. Шангин, мастер-камнерез, основатель Кольванской фабрики Ф. В. Стрижков и гидротехник П. К. Фролов. Во времена Качки выплавка серебра на Алтае превысила 1000 пудов в год. И это при нем были открыты и запущены в дело богатейшие месторождения золота – Риддерское и Зырянское в провинции, получившей имя Рудный Алтай. Тогда же в Салаире построен новый сереброплавильный завод, названный по указанию императрицы Гавриловским – в честь Качки!

О сыне гидротехника Фролова Пестре Козмиче существует расхожее мнение – будто бы, будучи начальником алтайских

Горнорудное дело. Иллюстрация из книги И. Шпангера

рудников и заводов, он снял золотую пенку, т. е. отработал самые богатые руды, и в 1731 году уехал в Петербург ради того, чтобы стать сенатором. Это вовсе не так. При П. К. Фролове в столицу на Монетный двор уходило из Барнаула в удачные годы уже по три каравана с алтайским золотом. Он был грамотным геологом и ясно понимал: без прироста запасов дело не расцветет. При нем блистательно проявились риддерские и зырянские горняки, размах получили работы на рудниках Черепановском и Семеновском. И это П. К. Фролову Барнаул и Змеиногорск обязаны созданием музеев истории горного производства. Он открыл в Барнауле первую типографию, наладил производство бумаги и как настоящий инженер построил на Змеиногорском руднике первую в мире надземную железную дорогу, а ради просвещения своих подчиненных создал при Канцелярии заводов первую библиотеку, и это было лучшее собрание технической литературы в Сибири. При нем на Сузунском монетном дворе монеты чеканились ежегодно на 250 000 рублей. И это при нем Томский железодельный завод с

древесного угля перешел на применение кокса в доменных печах. И это при нем на Кольванской шлифовальной фабрике построено колоссальное производство, где в 1829 году начали обрабатывать одиннадцатирешинную глыбу, из которой родилась «Царица ваз»!

***

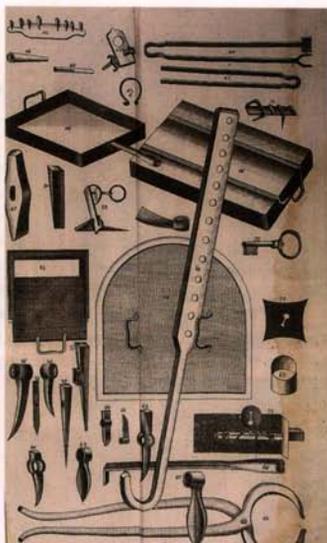
Горнозаводское дело на Алтае пошло на спад после реформы 1861 года, а к завершению века совсем угасло. Его не спасли меры правительственные – многие рудники, в том числе и Змеиногорский, были отданы в концессию австрийской компании «Турн энд Таксис», а в Первую мировую войну концессию на Алтае получили английские фирмы.

Может, наиболее заметным делом в те годы была разведка и добыча россыпного золота в Горном Алтае. Здесь необходимо отметить деятельность Алтайской золотопромышленной компании предпринимателя Асташева.

Гражданская война лишь на время приостановила разработку алтайских недр. Уже в 1923-1931 годах на Алтае работало более

Горнорудное дело.
Иллюстрация из книги И. Шлаттера

Горнорудное дело.
Иллюстрация из книги И. Шлаттера

Горнорудное дело.
Иллюстрация из книги И. Шлаттера

зо геологических экспедиций. Были найдены первые россыпи по рекам Катунь, Камге, Ак-Кем, Кучерле, Малой Катанде, и на них к 1935 году вышло 16 старательных артелей. Пятью годами позже золото добывалось уже на 21 участке, и это был маленький алтайский Клондайк. В годы, когда Республика Алтай была автономной областью и входила в состав Алтайского края, на баланс там числилось 11 месторождений золота, и самое богатое из них – это Веселая Сейка, рудник на котором действует и по сей день.

...Вообще говоря, оглядываясь на результаты работы геологов и горняков советского периода, волей-неволей приходишь к мысли: об этом времени надо писать книгу, а не статью – настолько широко размахнулись работы по всем перспективным площадям на алтайское минеральное сырье. Даже в трудные годы Великой Отечественной – мужики на фронте! – Алтай вносил свою лепту в оборону. Когда знаменитое донбасское месторождение ртути Никитовка оказалось в зоне оккупации, поставку ртути для оборонной промышленности взял на себя Акташский рудник, получая киноварь со всех, даже малых проявлений металла Алтайского ртутного пояса.

Еще одна приметная точка – Колыванский рудник. Он расположен буквально рядом с теми разносоми, где добывали

первую руду демидовские мужики. Колыванский с 1936 по 1956 год добывал самый инструментальный элемент – вольфрам! И во время войны и после работали по россыпному золоту на флангах Змеиногорского рудника и уже велась разведка знаменитого Золотушинского месторождения полиметаллов.

Но коли речь о полиметаллах, то здесь надо подробнее. Золото – не главный козырь предгорий Алтая. Козырь – месторождения меди, свинца и цинка. О целой гирлянде подобных месторождений, разместившихся от города Рубцовска и до Лазурского рудника (это окрестность Змеиногорска), в тесной статье не поведать. Остановлюсь на главном. Это Корболихинское полиметаллическое месторождение. Еще в середине XIX века в пяти верстах от Змеевского рудника маркшейдеры обнаружили признак меди. Пробыли шурф семь саженей – руда присеклась, забой шурфа уперся в пустую породу. Сто десять лет спустя на эту площадь с поисками вышли геологи Рудно-Алтайской экспедиции. Многие из них ставили крест на перспективе открытия здесь серьезных объектов. Но не таков оказался Вениамин Михайлович Чекалин. Основываясь на анализе структуры и особенностях рудных полей по уже открытым месторождениям, он доказывал: малое Корболихинское сосредоточение руды – это еще не все. На глубине лежат

Титульный лист книги И. Шлаттера
«Обстоятельное описание
рудного плавильного дела»

Первая плавильная фабрика Барнаульского сереброплавильного завода. Современный вид. Построена в 1826 году.

Рубцовский рудник

Каскад гидротехнических сооружений, построенных по проекту Кузьмы Фролова для Змеиногорского рудника

более серьезные запасы руды, они экранируются, т. е. перекрыты толщей вулканических пород. Надо прошить их серией скважин по разведочным профилям и войти в рудную залежь. Чекалин смог убедить начальство – надо бурить глубже, может быть, за тысячу метров. Станки загудели. И наступил день, когда на одной из скважин подняли керн с глубины около 700 метров и ахнули – это была сплошная руда, столбик керна являл собой так называемую сливную руду, в которой природа сплавляла полиметаллы в единую массу.

...Пропускаю промежуточные события. Сегодня есть реальная перспектива строительства шахты и обогатительной фабрики на Корболихинском месторождении, запасы которого стоят на втором месте в России после знаменитого Удаканского, ради которого БАМ был повернут севернее намечавшейся трассы. Крупнее двух этих объектов в России месторождений нет.

Нынче не только существует надежда на возрождение горнорудного дела на Алтае, но есть уже и конкретное дело. Благодаря компании «Сибирь-Полиметалл» и уральцам порушенные и разграбленные в годы перестроечной смуты рудники Рубцовский и Зареченский восстановлены и выдают полезный компонент в проектных объемах. Но то и другое месторождения невелики по запасам. Рубцовского, например, хватит на десять лет работы. Но впереди еще и Степное, и Захаровское, и Юбилейное месторождения. Всего их в драгоценном ожерелье остается Корболихинское. Когда начнется его освоение, население близлежащего Змеиногорска увеличится на пять тысяч жителей. И это будет новое дыхание прославленного европейскими путешественниками древнего горнорудного центра России.

Александр Родионов